

VERSION RUSSE ET COURT THÈME

I. VERSION

На свете, кажется, всего мудренее — простота. Что, например, кажется, проще, как быть между порядочными, образованными, вежливыми и умными людьми? Что легче, как прийти в общество этих людей, сесть свободно на удобной мебели, говорить, играть в карты или танцевать, пить, есть и уехать, оставя по себе приятное впечатление? Так просто, легко, а мы и тут из уменья жить в людях, или так называемом *свете*, сделали мудреную науку, которая не всем дается, многим не дается всю жизнь и дается вполне очень немногим.

Нет ничего смешнее вступления в свет новичка, являющегося туда прямо со школьной скамьи или, еще хуже, из деревенской глуши. Его ослепляет и яркий свет комнаты, и нога его зацепляет за ковры или скользит по паркету. Углы у столов мешают ему — они так и тянутся к нему, — один угол точно нарочно вытянулся вдвое длиннее других и просит задеть. И он заденет. А в лесу, где ни следа, ни тропинки, он пройдет ловко, искусно уклоняясь от каждого сучка. Поднос с чашками как будто сам носится у него под локтем, и нет средства не опрокинуть его — и он опрокинет. Он двумя пальцами поднимает пудовую гирю над головой, а тут иногда не сдержит чайной чашки в руках. Его обдает ужас: там вон на него устремила пристальный взгляд элегантная дама, и у него мурашки побежали по телу... пусть бы уж лучше в него прицелились из ружья; тут подходит к нему изящно одетый лев, а ему лучше — если б настоящий медведь подошел к нему в лесу. Он смотрит на эту даму и на этого льва не как на равных себе людей, а как на существа если не высшего, то особого разряда. Его губит или излишнее самолюбие, или излишняя скромность. Ему хочется показать, что он не уступит никому в светскости, ловкости и любезности: одушевленный этим желанием, он начинает творить Бог знает что. Или, напротив, ему покажется, что всё, что он делал до сих пор, его приемы, голос, походка — никуда не годятся, — и нос, и губы — всё не на своем месте. Он вдруг приходит в ужас от собственной своей особы и начинает ее переименовывать, (...); а когда заговорит, то так несвободно ворочает языком, что как будто над головой его висит дамоклов меч: он теряется, не знает, что делать. За столом, при первом случайном на него взгляде его визави, он вдруг начинает жевать иначе, нежели как жевал 30 или 40 лет до этой минуты; проглотив сразу тоненький ломоть хлеба, он не знает, спросить ли еще или продолжать есть без хлеба, следует ли брать все блюда, или приличие требует отказаться от некоторых; ему нальют чай без сахару — он готов на самопожертвование: лучше выпьет так, чем спросит сахару. У новичка чешется язык сказать что-нибудь, да впадет ли это будет: не назовут ли нескромным? А будешь молчать, назовут, пожалуй, дураком. Для неловкого, как на смех, и обстоятельства расположатся так, что он расскажет вдруг анекдот про косоногого или хромого, когда тут есть косоногий или хромоногий, или при роконосеце заговорит о неверности жен. Сколько мук, сколько чудовищ на каждом шагу! Вырвавшись из этого ада, новичок бежит домой и долго еще с ужасом вспоминает о каждой своей неловкости. Самолюбие его растерзано, он дает себе слово никогда не заглядывать в свет, — он говорит, что там человек *женирован*, что он сам не свой... Какая неправда! А свет только и требует, чтоб человек был сам свой, чтоб он походил на себя и был *прост* и верен своей натуре, — требует, чтоб он понимал и уважал чужое и свое личное достоинство, чтобы имел свою физиономию, свой взгляд и образ мыслей, не

обнаруживая, что он хуже, глупее или умнее, даровитее, чиновнее того или другого. Вот в чем задача.

Иван ГОНЧАРОВ. Светский человек. 1847.

II. THÈME

Que de fois, quand on revient d'un grand voyage, où l'on a connu mille plaisirs différents, l'on arrive chez soi, fatigué avec ses bagages, et l'on ressent soudain le même plaisir à se trouver enfin plongé dans son monde à soi, dans ses habitudes, modestes mais chères, dans ses objets sans grand intérêt, mais qui sont les nôtres. On pousse un soupir de soulagement, de surprise heureuse. C'est exactement le même sentiment que j'éprouve lorsque, volets et rideaux bien tirés, je retrouve, à l'intérieur, ma paix.

Oui, je le sais, l'âge y est peut-être pour quelque chose. Je dois reconnaître — sans plaisir — qu'avec les années qui passent, mon horizon tend à se rétrécir.

Jacqueline de Romilly, « Les nouveaux rideaux », in *Les Roses de la solitude*, Éditions de Fallois, Paris, 2006, p. 139.